

ЛИТЕРАТУРНАЯ ВЕБ-СТРАНИЦА

ЗЫБИНКА

Выпуск №20
29.10.2023 г.

Татьяна САМУСЕНКО

ВСЮДУ ЗОЛОТО

Заиграло небо на закате,
Загорелось в миллион свечей!
Ярок горизонт в вечернем злате
От прощальных солнечных лучей.
Осветились у берёз верхушки,
Открывая пышный их наряд.
Лишь они, нарядные подружки,
В золотой парче ещё стоят.
Золотая осень на исходе.
Очень скоро облетит листва.
И невзрачно станет всё в
природе,
Только будет зеленеть трава.
На заре от изморози белой
Травы, крыши — словно в
серебре.
И закроет жёлтый цвет несмело
Свой сезон волшебный в октябре.
Но не стоит грусти предаваться.
Холодов никак не миновать.
Улыбаться буду, удивляться,
Радоваться, жить — не унывать!

Надежда КОЖЕВНИКОВА

ОСЕННЕЕ

По осеннему городу шла осенняя
женщина.
Паутинка запуталась у неё в волосах.
Не по моде причёсана, с днём
осенним повенчана,
Холодов ожидание затаилось в
глазах.
А ещё затаилась там и надежда
извечная,
Что из листьев опавших разжигает
костёр.
Может этот костёр будет кем-то
замечен,
Жаль, его не заметил никто до сих
пор.
Шла осенняя женщина по осенней
аллее,
Зная, что никогда не вернётся назад.
И сгорали рябины, ни о чём не жалея,
И всё длился и длился золотой
листопад.

Валентина БАСОВА

ОЧЕРЕДЬ

Очередь начала собираться задолго до открытия магазина. Имея опыт предыдущих дней, я пришёл совсем рано, но передо мной уже стояло человек сто. Я спросил последнего, им оказался молодой человек приятной наружности с милой приветливой улыбкой. «И то хорошо, — подумал я, — всё не пьяная рожа будет перед глазами маячить».

Он сразу заговорил со мной, жалуясь на плохое самочувствие, кружение в голове и слабость. Я посочувствовал ему и посоветовал обратиться к врачу, но скоро понял, что моё сочувствие ему ни к чему, речь его была двусмысленна и неясна, он забывал о чём говорил, часто повторяясь и обрывая фразы. И этот молодой человек, почти мальчик, с вожделием ждал, когда же откроются заветные двери. Нет, он не был ещё алкоголиком и падение своё понимал, поэтому ощущал неловкость и искал себе оправдание. Но я видел: с собой он уже смирился и теперь хотел примирить окружающих с собой.

К нам подошла странная пара. Он — высокий, статный, с почти военной выправкой, одетый небогато, но аккуратно и чисто. Она — маленькая, с худеньким личиком, чем-то напоминавшим мордочку юркого зверька. Одеты в мягкое зелёное платье и стоптанные туфли, густые волосы не прибраны и давно не мыты. Внимательно присмотревшись к женщине, заметил синяк под глазом, замазанный толстым слоем тонального крема. Но держалась она с внешним достоинством и важностью царицы Савской, командовала своим спутником, хотя и с некоторой опаской, очевидно, боясь ответной грубости. Признаки глубоко драматического бытия были во всём её облике. И волна ненужной жалости неожиданно захлестнула меня, не знаю, в чем я был виноват перед этой женщиной, но щёки мои опалила волна яркого румянца, и к горлу подкатил тугой комок.

Вдоль очереди бродило примечательное лицо — мужчина неопределённого возраста, грязный и небритый. Разговоры его с окружающими как легко завязывались, так же легко и угасали, каждый норовил поскорее от него избавиться, как от чего-то омерзительного и гадкого, но он, похоже, не замечал этого или был уже не восприимчив к обидам. Он потерял всякий интерес к жизни, и как он никому не был нужен, так и ему ни до кого не было дела. «Как же это страшно, — подумал я, — когда во всём белом свете нет ни одной родной души, которая бы заплакала над тобой!»

В сопровождении двух молодых людей в нашу сторону шла королева. Говорю это без малейшей иронии, ибо никакие другие слова не подошли бы более к такой красавице. Тоненькая и стройная, она грациозно касалась высокими каблучками земли и не шла, а плыла. Золотые волны волос буквально летели за ней по ветру. Она была похожа на солнышко, и вся очередь следила за ней, восхищённо перешёптываясь. Когда она подошла поближе, во рту у королевы рассмотрели сигарету «Астра» — и погасло солнышко. Королева прошла в калитку чёрного хода и вскоре вышла оттуда с полной сумкой выпивки и закуски. Сопровождавшие её мужчины с радостными возгласами бросились ей на помощь, и вскоре вся троица так же не спеша, как и пришла, удалась, презрительно глянув на очередь. Народ заволновался, вслед ушедшим понеслись не самые лестные эпитеты, хотя ни один мужик пожалел в душе, что эта женщина не его. Но королева была низвегнута с пьедестала.

Чуть впереди меня стоял мужчина средних лет, с портфелем и газетой в руках, которую он пытался читать. По всему чувствовалось, что ему неприятно стоять в этой очереди, очевидно, только крайние обстоятельства вынудили его прийти сюда и он, как мог, старался

оградить себя от общения с окружающими людьми, ни с кем не вступая в беседы, не обращая внимания на крики и брань. Я видел, как он страдает душевно, с каким трудом обустраивает своё самолюбие, и как при этом бунтует его честь.

«Почему мы оказались в таких условиях, когда всё чаще приходится укрощать своё самолюбие? Кто в этом виноват?» — Мои размышления прервала продавщица, открывшая двери. И вмиг разрозненная минута назад очередь превратилась в монолитную стену, способную снести всё на своём пути. Меня стиснули со всех сторон и внесли в тесный магазинчик. До прилавка было недалеко, но я вдруг понял, что если останусь в этой очереди хоть минуту, то умру. Отчаянно работая локтями, я с трудом выбрался на свежий воздух, в изнеможении прислонился к прохладной стене здания. Но даже здесь оставался членом очереди, зажатым со всех сторон горячими телами, чувствуя тошнотворный запах перегара, лоя горящие от нетерпения полубезумные взгляды.

Уходя, оглянулся. Очередь представляла собой удава с расплюсненной головой. Ощущение животного было так реально, что я содрогнулся. Отойдя, с облегчением вздохнул, радуясь тому, что не дал этому животному втянуть меня в свою пасть. Я его победил. Победил! А, может, в этот момент я справился с чем-то гнусным в самом себе? И ещё я заметил, что мужчина с газетой тоже вылез вслед за мной и сейчас отряхивал свою одежду, словно счищал с себя всё плохое, что прилипло к нему в этой очереди. В монолите образовалась брешь. И я верю, что эта брешь с каждым разом будет увеличиваться.

А иначе куда нас приведёт такая очередь?

Павел ПРАГИН

* * *

Душа поэта — дерзкое дитя.
И если руки не отбили сразу —
глядишь — уже с бумагою
проказы
по многим ударяют не шутя.
Одним желанны, а другим претят
её миры, невидимые глазу.
А ей — то что? — бирюльки. И хотя
в пустой карман, заглядывая,
разум
предупреждает: «Ну, остановись! —
свобода и бездомность
нераздельны!» —
выходит, как всегда, наоборот.
Душа по свойству света рвется
ввысь.
Но тут ей оформляют перевод
из детского приюта в
богадельню.

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ. Фото Оксаны ПРИЧЕСНОЙ

Николай ИВАЩЕНКО

* * *

Невесёлая моя долюшка
Поразвевалась на ветрах...
Ах ты, вольная моя
волюшка,

Где осталась ты и в каких
краях?
Будто не было моих долгих
лет,
В одночасье всё будто минуло,
Верить хочется, что оставил
след,
Что судьба меня не покинула.

Николай БУШЕНЕВ

* * *

В памяти бессонной сохранил,
Как алмаз, твой образ оградил,
Нежностью в стихах отшлифовал,
В радужных мечтах расцеловал.
Ты меня поймёшь. За всё
простишь.
Не простишь — пускай взорвётся
тишь,
Звёзды слёзно росами падут,
Смолкнут птицы и не зацветут
Сказочно и весело цветы.
Для меня... Но будь счастливой
ты.
Будь — любви немолчной слыша
гимн —
Прощена и понята другим.

Страницу подготовил
Константин Попов